

Картина перед глазами предстала жуткая. Иссохший труп дяди Чжана, хоть и замер на месте, больше не пытаясь идти вперёд, продолжал судорожно извиваться, время от времени исторгая глухое, утробное рычание.

Невидимая преграда — та самая Призрачная Стена — никуда не делась, по-прежнему отрезая людей от внешнего мира.

Однако Чу Вэй не спешил упокаивать мертвеца. Вместо этого он бесцеремонно вытолкнул лже-даоса вперёд, на всеобщее обозрение.

— И куда это вы намылились, даочан?

Тонкий, по-зимнему холодный голос Чу Вэя прозвучал отчётливо, а сам юноша под тусклым светом фонарей казался на удивление высоким и статным.

Селяне, глядя на даоса, наконец-то начали прозревать: этот человек явно не имел ничего общего с великим мастером, за которого себя выдавал.

Его серое даосское одеяние пошло клочьями — должно быть, Лао Чжан знатно приложил к нему руку, когда восстал из гроба. Волоски на ритуальной метёлке растрепались, и сам «мастер» выглядел на редкость жалко и ободрано.

— Да куда... куда я пойду? Я же всё время... всё время тут стоял!

Пойманный за руку мошенник упрямо отпирался. В недавней кутерьме и впрямь мало кто обратил внимание на его попытки дать дёру.

Чу Вэй лишь тонко усмехнулся:

— Неужели?

В следующее мгновение он железной хваткой вцепился в воротник лже-даоса и без лишних слов уволок его прямо к иссохшему трупу дяди Чжана, ткнув лицом к лицу.

Лицо покойного дяди Чжана уже тронул тлен. Хоть на лбу у него и красовался талисман, голова мертвеца продолжала дёргаться, а жуткая пасть с неестественно длинными, острыми зубами скалилась в голодном оскале.

Оказавшись лицом к лицу с этим кошмаром, шарлатан едва не испустил дух от страха. Он отчаянно сучил ногами, пытаясь отползти назад.

— Помогите... На помощь!..

Мошенник извивался всем телом, но хватка Чу Вэя оказалась на удивление крепкой, словно стальные тиски, и вырваться не было никакой возможности.

Селяне ошарашенно наблюдали за происходящим, не зная, что и думать.

Ведь этот парень всегда рос тихим, вежливым и на редкость мягким. Он и драться-то сроду не дрался, да что там говорить — курице головы не отрубил! Увидев его в таком амплуа, люди невольно усомнились в собственном зрении. Может, вся эта чертовщина окончательно свела их с ума и вызвала коллективный бред?

Перепуганный до смерти лже-даос растерял всю вчерашнюю спесь. Столь близкое знакомство с разлагающейся плотью окончательно сломило его волю, и он истошно взвыл:

— Я соврал! Соврал! Никакой я не даос, умоляю, пощадите! Я просто мелкий жулик, знаю парочку трюков! Это всё моя вина, бес попутал! О пощади меня, великий... нет, мастер, мастер, отпустите, умоляю, отпустите!

Ужаснее самого вида полуразложившейся головы дяди Чжана было то, что мертвец безостановочно щелкал челюстями, норовя вцепиться даосу прямо в нос. Расстояние между ними стремительно сокращалось. В этот миг жажда выжить превзошла любые другие чувства.

Чу Вэй, наконец, удовлетворённо разжал пальцы. Небрежно отряхнув ладони, он спросил:

— А теперь колись: где деньги, которые ты вчера выудил у честных людей?

Шарлатан торопливо вытащил из-за пазухи увесистый мешочек:

— Верну! Всё до последнего юаня верну, только отпусти!

Чу Вэй забрал мешочек, подошёл к деревенскому старосте и протянул его мужчине:

— Дядя, будет лучше, если вы сами распорядитесь этими деньгами.

Староста со смешанными чувствами воззрился на юношу, на мгновение даже побоявшись протянуть руку.

Чу Вэй сам вложил мешочек ему в ладонь и с обезоруживающей искренностью произнёс:

— Дядя, не верьте больше заезжим даосам. Они все обычные мошенники.

Староста лишился дара речи.

Да разве в мошенниках сейчас дело?! Разве это сейчас важнее всего?! Разве не бьющийся в конвульсиях мертвец у них на пороге заслуживает большего внимания?!

Но лицо Чу Вэя выражало такую непоколебимую серьёзность, словно без этого ответа мир рухнет прямо сейчас.

Староста долго пытался, подбирая слова, и наконец выдавил:

— Дядя... дядя понял.

А затем торопливо добавил:

— Но что нам теперь делать? Как... как нам выбраться отсюда?

Десятки пар глаз уставились на Чу Вэя с такой неистовой надеждой, что их горящие взгляды, казалось, затмили тусклый свет уличных фонарей.

Встретившись с этой лавиной немого моления, Чу Вэй смущённо потёр кончик носа. Он уже собирался успокоить людей и сказать, что стоит только изгнать злого духа, овладевшего телом дяди Чжана, как всё наладится, но тут пространство вокруг содрогнулось.

— Пожар! Какой страшный пожар!

— Спасайтесь! Бегите все, мы горим!

— Горячо! Как же печёт! Меня сжигает заживо! Помогите... На помощь!

Среди селян мгновенно вспыхнула паника. Люди в ужасе бросились врассыпную, но, натыкаясь на невидимую стену, лишь давили друг друга. На землю падали старики, сбитые с ног обезумевшей толпой.

— Да где огонь-то?! Я ничего не вижу!

— Дедушка! Что тебе там почудилось?! Стой, не беги!

— Ой-ой-ой, ты меня с ног сбиваешь!

Двор погрузился в сущий хаос. И без того напуганные люди окончательно потеряли голову:

сотня человек металась из стороны в сторону, сбиваясь в беспорядочную кучу.

Чу Вэя едва самого не сбили с ног. Некоторые деревенские, словно ослепнув, бежали прямо на замершего мертвеца. Юноше приходилось силой выдёргивать их из опасной зоны.

Чэн Даню с трудом пробился сквозь беснующуюся толпу и, тяжело дыша, подскочил к другу:

— Чу Вэй! Что происходит?! Они что, все разом с ума посходили?!

Чу Вэй и сам впервые столкнулся с подобным. Он смутно догадывался, в чём дело, но в такой суматохе не знал, за что хвататься.

"Они во власти иллюзии. Нечисть затесалась среди людей, найди её"

Голос Хуа Жуна прозвучал прямо в его сознании. Стоило Чу Вэю услышать этот спокойный тон, как паника, начавшая было зарождаться в его груди, мгновенно улеглась.

Он крепко схватил Чэн Даню за плечо и быстро скомандовал:

— Стереги тело дяди Чжана! Не подпускай к нему никого!

С этими словами он решительно шагнул в толпу.

Чэн Даню повернул голову и нос к носу столкнулся со свирепым лицом усопшего. От ужаса у него перехватило дыхание:

— Да как я его устерегу?!

Договорить он не успел — прямо на мертвеца нёсся очередной обезумевший селянин. Даню наперерез бросился к нему, закрывая собой труп, и, чуть не плача, звал друга, одновременно пытаясь развернуть несчастного в другую сторону.

— Чу Вэй, не бросай меня! Мне страшно!

— Это они! Они пришли отомстить! Отомстить за всё!

— Я не виноват! Это не я вас убил! Я тут ни при чём!

— Сжальтесь, потушите огонь! Горю! Горю заживо!

Вопли, причитания и рыдания слились в оглушительный гул. Немногие уцелевшие разумом метались из стороны в сторону, уворачиваясь от обезумевших соседей, в то время как жертвы мора заходились в неистовом плаче. Напряжение достигло апогея.

В этот момент Чу Вэй уже стоял в самом центре беснующегося сборища.

Он поднял руку на уровень груди и очертил в воздухе круг Багуа, созывая к себе потоки невидимой глазу духовной энергии. Юноша закрыл глаза, полностью отключил зрение и осязание, до предела обострив слух.

Крики, топот сотен ног, завывание ветра — вся эта какофония лавиной обрушилась на его барабанные перепонки, так что на мгновение закружилась голова. Пользоваться этим приёмом впервые было невероятно тяжело.

Однако Чу Вэй быстро справился с секундной слабостью и полностью сосредоточился на поставленной задаче.

Энергетика живого человека разительно отличается от эманаций нечисти. Биение сердца, дыхание, сама частота вибраций — всё у них иное. Как бы искусно тварь ни маскировалась в толпе, ей не под силу изменить свою мёртвую природу.

В это мгновение Чу Вэй ощутил себя единым целым с окружающим миром. До его слуха донеслись десятки ударов: «тук-тук, тук-тук». В пределах невидимого барьера каждый человек превратился для него в отчётливый, пульсирующий источник жизни.

И среди этой стройной симфонии живых сердец один ритм звучал фальшиво, сбиваясь на мертвенную дробь.

Чу Вэй резко распахнул глаза.

— Попалась, — едва слышно прошептал он.

В следующий миг он ветром скользнул сквозь толпу и замер прямо перед виновницей переполоха.

— Тётушка, как ваша шея? Сильно болит?

Перед ним стояла не кто иная, как жена Лао Чжана — та самая женщина, которую покойный муж едва не задушил до смерти.

При виде Чу Вэя Чжан-шэнь вздрогнула, на её лице всё ещё читалось полное смятение. Услышав вопрос, она тут же закрыла лицо руками и зарыдала:

— Ох, деточка, я чуть богу душу не отдала от страха...

— Неужели? — отозвался Чу Вэй.

В следующее мгновение его пальцы стальной хваткой сомкнулись на её горле.

— Чу Вэй! Ты что творишь?! — закричали те из селян, кто уберёгся от наваждения.

Глаза Чжан-шэнь наполнились слезами, и она с трудом выдавила сквозь хрип:

— Ты... что ты делаешь?..

— Прекрати сейчас же! Ты же её задушишь!

Однако юноша даже не шелохнулся. Его взгляд оставался твёрдым, а пальцы сжимались на шее женщины мёртвой хваткой. Он смотрел на неё с безграничным, леденящим холодом.

— Ты испустила дух ещё до того, как мы сюда пришли. Так кто же ты на самом деле?

Чжан-шэнь продолжала хныкать, сипя от нехватки воздуха и тщетно пытаясь разжать его пальцы.

— О чем ты... я не понимаю...

— Ничего, это и не нужно, — Чу Вэй едва заметно улыбнулся.

Свободной рукой он молниеносно выхватил талисман и впечатал его прямо в её лоб.

Двор огласил истошный, потусторонний визг. Тело Чжан-шэнь безвольно обмякло и повалилось на землю. На глазах у изумлённой толпы её ещё недавно гладкая кожа мгновенно усохла и сморщилась, превратив труп в такое же иссохшее чучело, каким стал её муж.

— Убийство... Чу Вэй совершил убийство!..

Стоявшие неподалёку люди в ужасе ломанулись назад, подальше от распластавшегося тела.

Чэн Даню, который неизвестно когда успел оказаться рядом, хоть и дрожал от страха, не сдержался и гневно крикнул в ответ:

— Какое ещё убийство?! Разуйте глаза! Чжан-шэнь выглядит точь-в-точь как её покойный муж! Она давно уже мертва!

Чу Вэю было не до споров. Воздух вокруг внезапно стал ледяным, а по земле завихрился зловещий, завывающий ветер. К ним приближалось нечто куда более могущественное и опасное.

После гибели твари морок рассеялся, и околдованные селяне начали приходить в себя. Но реальность, представшая перед их глазами, оказалась куда страшнее сотворённой иллюзии.

Из темноты к ним тянули обугленные руки те, кто сгорел заживо в страшном пожаре более двадцати лет назад — безликие, превратившиеся в пепел призраки прошлого.

— Призраки... Это покойники! Они вернулись, чтобы отомстить нам!

Толпу захлестнула новая волна безумия. С падением лже-тела Чжан-шэнь призрачный барьер рухнул, и люди толпой ринулись к выходу из двора.

Но стоило первым беглецам сделать несколько шагов, как они забились в воздухе, словно чьи-то незримые пальцы намертво перекрыли им горло. Глаза несчастных полезли из орбит. Видя, что люди вот-вот задохнутся, Чу Вэй один за другим швырнул вперёд спасительные талисманы.

Однако стоило ему вызволить одного, как двое других уже бежали навстречу гибели. Людей было слишком много, удержать всех в одиночку казалось невозможным.

И вдруг пространство пронзила мощная волна духовной энергии. Чу Вэй ощутил, как рядом с ним кто-то встал. Юноша не видел его лица, но этот ни с чем не сравнимый, родной шлейф силы он узнал бы из тысячи.

Лицо Чу Вэя озарила радостная улыбка:

— Шифу!

<http://bllate.org/book/19040/1911103>